

Маленькие чиновники

Влас ДОРОШЕВИЧ

Я берусь за перо для того, чтоб защищать теперешнюю среднюю школу. Не троньте этих кругов! Этих восьми кругов маленького гимназического ада!

— Я больше не знаком с Карлом. Карл негодяй: “Он не знал родительного падежа от слова “domus”.

Так рассуждали два маленьких школьника, когда Гейне выезжал из Дюссельдорфа.

У нас Гейне этого бы не услышал!

— Скворцов Евдоким — зубрила! Он знает даже, как склоняется слово “domus”.

Бьют зубрил, и истинные герои сидят на последней скамейке.

Поколениями школьников выработалась традиция, что истинный негодяй, это тот, кто всегда учит уроки. К нему относятся так, как в департаменте относились бы к чиновнику, который стал бы моментально предупреждать всякое желание начальства, который таскал бы работу к себе на дом, не пил бы, не ел, не спал, чтоб только выполнить приказания начальства.

— Выслужиться хочет, каналья! Первый ученик — изменник класса. Гнуснейший из изменников. Он для того и зубрит исключения, чтоб подвести своих товарищей.

— Вы не успели приготовить урока? А почему же Скворцов Евдоким успел?!

Первый ученик — первый не только по отметкам, но и по количеству получаемых щелчков.

Зато ученик, который списывает все extemporalia, уроки просматривает во время “перемен”, отвечает не иначе, как с подсказкой, и даже книг домой не носит, а оставляет их в парте, — предмет удивления, благоговения, зависти всего класса.

У нас нет средней школы, у нас есть канцелярия, в которой маленькие чиновники отбывают восемь лет тяжёлой, утомительной, скучной службы. И никто не ходит учиться. Ходит отбывать ужасную повинность:

— Потому что это необходимо.

Прослужишь восемь лет в гимназистах, дослужишься до студента. Точно так же, как папа, пробыв десять лет в коллежских секретарях, дослужился до надворного советника.

Тихо туманное утро столицы... По улице медленно ползёт маленький клоп-гимназист. Ранец за плечами, много дум в голове:

— География нынче не вызовет: в прошлый раз вызывала. Арифметику подзубрю во время большой перемены. Латынь... Семенову щелчков надаю, чтоб дал extemporale списать! Немец не велик чёрт, да и Шустер Карлушка, немчура, подскажет. Всё!

А в это время отец этого клопа, кутаясь в ватное, поношенное пальто, идёт на службу и рассуждает:

— С докладом сегодня не ходить, доклады по четвергам. Значит, эти бумаги можно пока и в сторону. Резолюцию по делу № 000 надо заготовить. Ну, это можно на Иванова 32-го прикрикнуть: “Что вы баклуши бьёте? Сядьте-ка вот да заготовьте резолюцию. Лучше будет”. Дело за № 00... Можно будет при отношении в другое ведомство послать, оно и с рук долой. Надо только отношение позакковыристей написать. Ну, это можно Иванову 35-му дать. Человек старательный, ему выдвинуться хочется. Кажется, и всё?

Скажите, велика ли разница между сыном и папашей? Между департаментом и гимназией? Между отношением к науке и отбыванием канцелярской повинности?

Да и откуда этому клопу набраться другого отношения к науке?

— Зачем непременно нужно знать, что глагол “керанньюми” употреблялся древними греками за 1000 лет до Рождества Христова для обозначения “смешивать” вино с водой! Когда древние греки смешивали муку с песком, они прибегали для этого к другому глаголу. Зачем знать это, когда и греки эти уж давным-давно померли, да и вина этого нет, и смешивать теперешнее вино нечего: оно уж смешано. Зачем? Никто в целом мире не даст

на это ответа пытливому уму маленького мальчика.

Мама...

Я беру среднюю семью. Милую среднюю семью, где при детях говорят правду. Есть высшие семьи, где при детях ведут педагогические разговоры, т.е. лгут. Так с детства детская душа отравляется ложью в педагогических целях. В этой высшей семье, если мальчик спрашивает за вечерним чаем отца:

— Папа, для чего мне нужно знать, что глагол “керанньюми” древние греки употребляли только тогда, когда делали крюшон... т.е., я хотел сказать, когда смешивали вино?

Отец делает очень серьёзное и наставительное лицо:

— А как же, это весьма важно... Это необходимо знать, во-первых, для того... Гм... для того... вообще шёл бы ты в детскую! Девять часов!

И у мальчика, если он не безнадежно глуп, невольно мелькает в голове совершенно логический вывод:

— Какой, однако, папа болван! Говорит, что очень важно, а почему — не знает!

И когда мать, по выходе сына, замечает:

— Зачем ты его выгнал? Отчего было не объяснить ребёнку?

Отец только разводит руками.

— Да Господь его знает, зачем необходимо знать этот гнусный греческий глагол. Решительно, кажется, незачем! Но ведь нельзя же говорить этого детям! Семья должна поддерживать, а не разрушать авторитет школы!

Так делается в высших семьях, живущих по принципам, а в средней семье, где живут только на жалованье, это происходит иначе.

Мама, милая, но немного наивная, нередко говорит, глядя на бледное, измученное лицо ребёнка:

— Ну, латынь, это я ещё понимаю. По-латыни пишут рецепты. Но зачем их заставляют зубрить по-гречески?

Ей, наслушавшейся, как зубрит сын, часто снятся страшные сны.

Снится, что она идёт за 1000 лет до Рождества Христова по римскому форуму, а кругом гуляют правильные глаголы и сплетничают про последние исключения из третьего склонения:

— Слышали, rapis-то, оказывается, мужского рода!

— Ах, и не говорите! Такое бесстыдство. Быть мужского рода и носить женское окончание!

— Изнеженность и испорченность нравов!

— Piscis тоже мужского рода и даже cuscumis!

— Да, много есть имён на is masculini generis! Ничего не поделаешь!

В это время раздаются междометия, и на форум въезжает Цезарь. Кай Юлий Caesar, мужского рода и третьего склонения. Бедная мать кидается к его колеснице:

— Сжальтесь! Моему сыну, Иванову Григорию, может быть, знаете! Такой маленький мальчик, он переводит теперь ваши “комментарии”! Ему поставили единицу за то, что он не знал супина от глагола “do”. Но Юлий Цезарь, мужского рода, только машет рукой.

— Меня самого, сударыня, съели герундии и супины! Берегись!

И на её глазах переезжает её сына триумфальной колесницей.

Бедная мать в ужасе вскрикивает и просыпается, а за чаем рассказывает страшный сон:

— К чему бы это? Непременно Гришеньке по латыни единицу поставят, и он не перейдёт. Ах, и кто это только эту латынь выдумал!

Отец...

Но отец и сам-то решительно не знает, зачем он с такой ясностью всю жизнь свою помнит:

— Дарейю Кай Парюсатидос гигнонтай пайдес дюо, пресбютерос мэн Артаксеркес, неотерос дэ Кюрос.

Много очень важного, очень нужного, очень интересного в жизни забыл, — а вот “Да-

рейю” с “Парюсатидос” помнит и будет помнить до гробовой доски. Он когда-то пустил их в свою голову, и эти Дарий с Парисатидой — жильцы, которые ничего не платят, но иногда производят шум по ночам. Зачем он их держит в голове? Раз только он их вспомнил. Это было ночью, когда он только что заснул, утомлённый и измученный. Как вдруг ему приснились Дарий и Парисатида, которые тут же при нём родили двух сыновей и почему-то сказали, что это “по-гречески”, в виде исключения. Он вскрикнул от изумления, проснулся и долго потом не мог заснуть, нажив головную боль.

Что хорошего, полезного в жизни произошло от того, что его заставили зазубрить про этих двух персидских родителей?

Зачем он помнит это, зачем его учили этому? Что скажет он, если сын спросит его, когда и сыну очередь дойдёт до “Дария и Парисатиды”:

— Зачем это?

Что скажет он, кроме:

— Начальство так велит!

И не будем осуждать отца, который ещё не изолгался до того, чтобы давать родному сыну педагогические ответы.

Что бы ответили мы по чистой совести, если бы нас спросили:

— Зачем мы учили и зачем мы помним всю жизнь, что “много есть имён на *is masculini generis*”?

Я знаю только один случай, когда исключения из 3-го склонения принесли пользу.

Это было 4 декабря в маленьком городке, населённом, кажется, исключительно Варварами. По крайней мере, собравшись на именины к одной из Варвар, мы никак не могли в целом городе найти одного музыканта. Хоть бы дворника с гармоникой! Все были разобраны по именинницам. Тогда решили танцевать под какие-нибудь общеизвестные стихи, которые все будут петь на какой-нибудь общеизвестный мотив.

Оказалось, что все гости — классики по образованию, и что все мы помним лучше всего исключения из третьего склонения.

(И мы танцевали кадрили, напевая на мотив: “Пропадай моя телега”:

Amnis, orbis, glis, annalis,

Fascis, ensis, cucumis.

И при слове “*cucumis*” какой-то семинарист, я помню, выкидывал даже какое-то особое антраша, которое называл “чисто парижским”, но которого я потом в Париже не видал.

Так принесли пользу обществу исключения на *is*.

Но ведь нельзя же для такого случая восемь лет подряд зубрить латинскую грамматику.

И вот семья, правдивая семья никак не может поддержать в сыне авторитета школы. А семья, где детям лгут из педагогических целей... та тоже не может поддержать авторитета школы. Чистым, ясным детским умом и сердцем ребёнок угадывает, что ему лгут, когда говорят:

— О, это чрезвычайно важно в жизни — знать супин от глагола “*do*”.

И не верит.

— Что ж, брат, делать! Нужно так! Учи латынь. Потерпи, после хорошо будет!

Словно восемь лет подряд человеку рвут зубы и говорят:

— Что ж делать! Потерпи!

Каждое утро, отправляя его в школу, каждый вечер, усаживая зубрить уроки, ребёнку говорят с тоскливым видом:

— Что ж делать! Нужно! Это как служба.

Он ходит в школу, как папа — в канцелярию, и одна только мысль повергает его в изумление:

“Папа, этакая дылда, занимается по 4 часа в день, да и то орёт, что он устал. А меня, маленького, заставляют сидеть по 5 часов, да ещё на дом дают работы. Что завопил бы папа, если бы ему прибавили ещё вечерние занятия?!”

И ребёнок инстинктивно требует даже жалованья за свою службу.

— Мама, дай мне 20 копеек!

— Это ещё что за новости!

— А я на этой неделе ни одной двойки не получил!

Он хорошо служил — заплатите ему жалованье, не считая наград к Рождеству и Пасхе, когда он приносит четвертные отметки.

Может ли школа внушить ему другое отношение к “науке”?

На эту тему даже скучно писать.

Не будем говорить уж о “латыни” и греческом.

Раз в жизни я солгал так бессовестно, что затем 25 лет краснею.

Это было в гимназии. Нас посетил товарищ министра, погладил меня по голове и, меланхолически глядя на меня своими добрыми глазами, почему-то спросил:

— Какой язык ты больше любишь: латинский или греческий?

— Греческий! — отвечал я, желая показать, что я достоин министерской ласки.

С тех пор прошло 25 лет, а я всё ещё краснею за эту бессовестную ложь. Никогда я не врал до такой степени.

И Бог весть, какую печальную услугу я оказал моей родине.

Ведь товарищи министров совершают поездки для того, чтоб на месте ознакомиться с результатами того или другого мероприятия, реформы, системы.

Кто знает, быть может, вскоре было какое-нибудь заседание, посвящённое вопросу о классической системе. Быть может, все уже склонялись к мнению против неё, как встал товарищ министра и заявил:

— Позвольте, господа! Я сам видел гимназистов, которые очень любят классические языки, и, следовательно, заниматься этими языками для них сушее наслаждение. Да, да! Я помню, например, Дорошевич Власий ужасно любит греческий язык.

С тех пор прошло 25 лет... Я убедительно прошу пересмотреть все архивы за 25 лет, и если где-нибудь в “материалах для реформы средней школы”, найдётся ссылка на Дорошевича Власия, очень любившего греческий язык, — вычеркнуть её. Я соврал.

Такого гимназиста нет.

“Латынь” и греческий любить, конечно, нельзя, как нельзя любить ту географию, которая преподаётся в нашей средней школе.

Посмотрите на этого злосчастного карапуза с покрасневшими глазами, который, закрыв для большей натуги уши, раскачиваясь всем телом, повторяет бесчисленное число раз в половине 11-го вечера:

“На Берберском плоскогорье в изобилии растут хвоя и жимолость”...

Можно ли любить науку, в которой кучами навалены хвоя и жимолость?

Спросите у матерей, и они расскажут вам об их детях, которые, разметавшись в жару, бредят по ночам:

— Мама, мама! Из города А. вышел поезд со скоростью 7 вёрст в час. Спрашивается: почём должен купец продавать берковец овса?

История человечества начинается туманными сказками. История Иловайского начинается цифрами: продолжается цифрами, кончается цифрами.

Она больше похожа на арифметику, переплетённую вразбивку с адрес-календарём. Имена и цифры.

Её учить так же интересно, как заучивать наизусть список телефонных абонентов:

— 91 — Юлий Цезарь.

— 1113 — Владимир Мономах.

Всё, что есть в науке интересного, увлекательного, живописного, способного поразить воображение ребёнка и заинтриговать его ум, тщательно вычёркивается.

Вы и хотели бы есть, но вам дают голую кость от телячьей ноги, да ещё и говорят при этом, что это именно и есть самая настоящая телятина! Вы никогда после этого не спросите себе телятины. Вы будете бежать от телятины. Вы возненавидите телятину. Вы расхочетесь, когда вам скажут:

— Я люблю телятину.

— Ха-ха-ха! Человек, который любит глотать кости! Вот идиот!

Здесь, в средней школе, быть может, лежит начало нашего иронического отношения к науке как к чему-то очень далёкому от жизни, ироническое отношение “к тому, что говорят гг. учёные”, предпочтение старого, накопившегося хлама мнений, понятий, взглядов “тем новшествам, которые выдумывают учёные умники”. Единственный “предмет”, не заниматься которым считают для себя унизительным даже рыцари последней скамейки, это — русский язык. “Всякий развитой гимназист” считает себя обязанным интересоваться этим “предметом”. Без этого не получишь среди товарищей звания “развитого гимназиста”.

Но и интерес к русскому языку гаснет, как только дело доходит до самой интересной части “предмета” — до русской “словесности”. Заставив вас вызубрить наизусть пяток Державинских од, вам вскользь говорят:

— Затем был Пушкин!

И ставят кол, если вы не умеете разобрать “Слово о полку Игореве”. А “Слово о полку Игореве” Е. В. Барсов вот шестьдесят седьмой год разбирает, четырнадцать томов написал и всё ещё, кажется, первое предложение разбирать не окончил.

Так, перед этим победоносным Игоревым полком, при громе державинских од, бегут из преподаваемой в средней школе российской словесности Пушкин, Лермонтов, Тургенев... Даже самый интересный предмет засушивается в сухарь.

Средняя школа приучает нас с детства заниматься делом, которое нас не интересует, не захватывает, относиться к своему делу казённо, по-чиновничьи.

В этом и заключается её великое воспитательное значение, полное соответствие с нашей жизнью.

Что такое Россия?

Собрание людей, из которых каждый недоволен тем делом, которое ему “приходится” делать.

Видали ли вы довольного своей профессией человека?

Возьмём чиновника... Я не говорю о высших, которые, как орлы, парят в сферах высших предначертаний и вьют свои проекты на вершинах высоких соображений. Нет, возьмём обыкновенного среднего чиновника, делающего обычное, повседневное дело. Может он, будучи выведен в каком-нибудь самом необыкновенным фарсе, воскликнуть:

— Ах, как хорошо быть чиновником!

Весь театр расхохочется, но найдёт:

— Совсем уж неправдоподобно!

— Чиновник? Чиновник отличается от обыкновенного смертного только одним. Всякий человек зависит только от собственного несварения желудка, чиновник ещё и от чужого. Несварение желудка у начальника — и выговор, замечание, лишение награды! Жалованье — грош. Бьёшься как рыба об лёд...

— Но зато дело-то, самое дело!

— Какое же это дело? Мы куда-то что-то пишем, оттуда только слышим, что это ни к чему не ведёт.

Вот и всё.

Найдите мне умного, развитого чиновника, который бы верил в жизненность и плодотворность “канцелярщины”.

Возьмём лиц “либеральных” профессий. Большой адвокат в отчаянии от своего “ремесла”.

— Помилуйте, я являюсь тогда, когда все, в сущности, уже почти кончено. Улики собраны, скомбинированы. Подсудимый на три четверти уж признан виновным, сидит на скамье подсудимых. В то время, когда идёт настоящая-то, решающая судьбу борьба, во время следствия меня и нет. Я похож на доктора, которого зовут только к умирающим. Много ли тут сделаешь! Какая это профессия! Сколько душевных мук перенесёшь!

Маленькие адвокатики, не задающиеся такими “вопросами”, тянут себе лямку, получают “за выход”.

— Но дело ведь вы делаете?

— Какое это дело! Так, кляузы поддерживаем.

Из писателей один только Щедрин завещал сыну:

— Нет выше и почётнее, как звание русского литератора.

А все, большие и маленькие, по три раза в день вспоминают слова Пушкина:

— Что это за несчастье — с умом и талантом родиться у нас.

Актёр всегда говорит:

— Мой сын будет доктором... Мой сын будет инженером...

— А актёром?

— Избави Бог!

Одни есть — доктора. Те всегда в пьесах говорят очень громко о счастье быть врачом, врачевать, помогать и исцелять...

В пьесах-то они очень довольны своей профессией, а вот по статистике-то никто так рано не умирает, как доктора от нервного переутомления.

Скажите любому земскому врачу:

— Врачевать — как это должно быть отрадно!

— Пичкать какими-то пилюлями, микстурами человека, которому нужны не порошки, а хлеб! Как это необыкновенно “отрадно”! Чувствовать на каждом шагу своё полное бессилие!..

Из десяти русских врачей вряд ли один даже и верит в медицину. Заниматься изо дня в день всю жизнь делом, к которому не лежит сердце! Какая это должна быть каторга! Я со слезами, например, всегда читаю “Московские ведомости”. Бедный г. Грингмут! Что должен перечувствовать он, садясь к письменному столу. То же, что каторжанин, когда его приковывают к тачке.

Человек хотел бы писать настоящие, голые, неприкрашенные “донесения”, а он должен издавать всё-таки газету!

И так всю жизнь!

Это каторга с прикованием к письменному столу! Школа спасает нас от многих тяжких ощущений.

Наша средняя школа приучает нас к тому, что нам предстоит испытывать во всю нашу жизнь: заниматься делом, которое не по душе, относиться к нему “по-казённому”.

— Сбыл, да и с рук долой!

В этом достоинство нашей средней школы. Её связь с нашей жизнью. Вот почему теперь, когда её собираются реформировать и когда на неё со всех сторон сыплются нападки, я считаю своим долгом вступить за неё и сказать:

— Не трогайте этих кругов. Восьми кругов гимназического... курса.

Они дают настоящую подготовку к предстоящей жизни.

Для Петербурга теперешняя школа важна в особенности потому, что с детства приучает людей быть маленькими чиновниками.